

Всесоюзное, 19 января 1914 г.

№ 17. Двадцать четвертый год. № 17.

ПРАЗОВСКИЙ БРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.
Основана С. Х. Арутюновымъ.

Воскресенье, 19 января 1914 г.

РЕЗУЛЬТАТ ПОДПИСИ СЪ ДЕСИТЕ, В ОБОИТЕ, ГРАДСКИЕ,

12	к-5	р. -	к.	8	к-4	р. 50	к.	4	к-3	р. 50	к.
11	к-8	р. 50	к.	7	к-5	р. 75	к.	3	к-2	р. 75	к.
10	к-3	р. -	к.	6	к-5	р. -	к.	2	к-2	р. -	к.
9	к-7	р. 25	к.	5	к-4	р. 25	к.	1	к-1	р. -	к.

За переносу адреса 25 коп

За середньозважену вагу, одиницю доданоч. і руй. еквівалентно

Подписката приемается только съ 22-мъ яго 1 числа
И НЕ ДАЛЪЕ КОНЦА ГОДА.

ОБЪЯВЛЕНИЕ: ширина текста—20 к., высота текста—10 к.
и 1/2 ст. сдвиганное строение записки.

Пръ многократн. допитанъ — СКАЗА: ПО СОГЛАСИЕМО

За расхода, произведенный при ввозе сырья до одного рубля на
1000 шт.—2 р., а за каждый рубль сверх 2 р. 50 к. до
Главног контора прибавляется из Расчетов из Дому, на Восток
Средовой утиль из сырья, сырья.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 7 ч. вечера, въ воскресные и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня. Поданные номера въ Ростовѣ и въ сѣдловскѣ—5

Temperature at steps is 2.42.

Обращенія для „Приказовскаго Края“ отъ лицъ, фирмъ и уч-
режденій, имеющихъ или имѣющихъ свои главные конторы
или представителствы въ Россіи и особенно въ Россійской Импе-
ріи, за исключеніемъ Области Войска Донскаго, Кавказа и За-
падной и южной части Балтійскаго моря и желѣзнодорожн. упр-д. ПРИ-
НИМАЮТСЯ ПОСРЕДСТВОМЪ изъ центральной конторы
областной Территоріи Дома Л. и Э МЕТЦЛЬ и Ко, Москва
Жуковская, д. Соловья и изъ его отдѣленій: въ С.-Петербургѣ
Морск. п. П. Варшав. Мартовская ул., 130. Парижъ, 8
Пашадѣ Широк. Визан. Колонна. №, и Лонд. Петропавловск.
120. Извѣст. обнародованіе по двѣдцати (20) копѣекъ въ
проку конторахъ издавъ текста, впередъ текста цѣна двойная

Аня (г-жа Космопнская), Раневская (г-жа Книпперъ) и Варя (Савицкая).

«Вишневый садъ».

(Къ 10-лѣтію постановки пьесы въ Моск. Художественномъ театрѣ).

Къ юбилею „Вишневаго сада“.

Мнѣ вспомнился инцидентъ, связанный съ постановкой «Вишневаго сада» на сценѣ Художественнаго театра.

Тогда еще живъ А. А. Чеховъ, когда еще были отъ него слезы его таланта.

Послѣ смерти его умерли и отрицатели и остался только талантъ Чехова неуязвимый и бессмертный. Но тогда...

Тогда вотъ, что говорилъ мнѣ одинъ изъ нынѣ пишущихъ журналистовъ по выходѣ изъ Художественнаго театра послѣ того, какъ мы впервые увидѣли «Вишневый садъ».

— Не понимаю, что особеннаго въ этой пьесѣ. Ничего яркаго. Ничего увлекательнаго. Одно пытье. Люди ничемные, слабые. Безъ идей въ жизни, безъ порывовъ. Мало талантъ Чехова, что бы тамъ ни говорили въ этомъ и разгадка того, что пьесы его оставляютъ меня холоднымъ и равнодушнымъ.

Журналистъ говорилъ громко. И будто въ отвѣтъ на его слова группа учащейся молодежи, вышедшая изъ театра закричала:

— Да здравствуетъ Чеховъ! А сѣренькая дѣвушка въ круглой шляпочкѣ добавила:

Пусть только не ноетъ и безъ него тошно жить на свѣтѣ.

Журналистъ улыбнулся.

— Вы слышите? Не правъ ли я? Вскорѣ послѣ этого и до сихъ поръ живого въ памяти моей инцидента Чеховъ умеръ.

И тотъ, кто называлъ талантъ Чехова «маленькимъ» при жизни, будто устыдился своей смѣлости, разразился послѣ смерти восторженными статьями посвященными памяти Чехова, назвалъ его «великимъ талантомъ земли русской», а «Вишневый садъ» оставивъ его «холоднымъ и равнодушнымъ» — призналъ выдающимся произведениемъ полнымъ глубокаго художественнаго значенія.

«Вишневый садъ».

Тихая грусть, ненужная, безсильная слезы.

Безпомощно опущенныя руки и тоска. Чеховская тоска по уходящей жизни съ ея незамѣтными радостями и стремленіемъ къ идеалу такъ непохожему на тусклую действительность.

«Вишневый садъ» — это синтезъ настроеній, которыми въ большей или меньшей степени проникнуты всѣ произведенія Чехова.

«Люди ничемные, слабые».

Этихъ людей ничемныхъ и слабыхъ любилъ Чеховъ нѣжной любовью, большою жалостью.

Имъ, ничемнымъ и слабымъ, онъ отдавалъ всю теплоту своей души, имъ отвѣлъ доминирующее значеніе въ своихъ произведеніяхъ.

Ихъ страданіями страдалъ онъ въ своей тихой грусти.

Ихъ тоску по лучшей жизни, которой нѣтъ у насъ, по о которой можно мечтать, онъ понималъ и цѣнилъ.

Имъ, этимъ незамѣтнымъ въ жизни сѣренькимъ людямъ, отдавъ онъ свою улыбку сквозь слезы.

Имъ, томимымъ и скучающимъ, раздавленнымъ жизнью, онъ принесъ свои порывы, свою нѣжность и чуткость душевную.

Гдѣ то тамъ, по ту сторону нашей жизни, въ чудесной, сказочной странѣ грезъ витаетъ идеаль людей ничемныхъ и слабыхъ.

А здѣсь, на землѣ — тоска по идеалу и лучшей жизни и скверная, нудная пошлая жизнь безъ просвѣта, безъ яркихъ лучезарныхъ страницъ.

Люди томятся въ несурасной, нелѣпой свѣ и причинѣ и слѣдствіи, изъ которыхъ скрывается ихъ маленькая ничемная жизнь и нѣтъ выхода.

— «Богъ сжалялся надъ нами и мы съ тобою, дядя, уви имъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную; мы обрадуемся и на теперешня наши несчастья оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой — и отдохнемъ».

Такъ говоритъ милая дѣвушка Соня дядя Ванѣ.

И отдохнемъ.

Отдохнемъ отъ вѣчной безполезной, обывательской мелко-будничной суеты засасывающей, заѣдающей жизнь.

Затягиваетъ она мелкимъ незамѣтнымъ т. м. маномъ повседневности наши мозги, заѣдаетъ душу.

Отдохнемъ!

Въ будущемъ, возможномъ, въ мечтахъ!

— «Пойдемъ со мною, мама, милая, отсюда, пойдемъ! Мы насадимъ новый садъ, роскошнѣе этого, ты увидишь его, поймешь и радость тихая, глубокая радость опустится на твою душу, какъ солнце въ вечерній часъ и ты улыбнешься, мама! Пойдемъ, милая, пойдемъ!»

Мечтаетъ Аня.

Объясняетъ матери, этой ничемной и слабой Любозни Андреевнѣ радость тихую, глубокую, какъ солнце въ вечерній часъ.

— И ты улыбнешься, мама!

Бѣдные люди!

Бѣдные, ничемные и слабые герои Чехова!

Привѣтъ вамъ, живущимъ съ нами, вблизи насъ!

Вамъ, мечтающимъ о садахъ новыхъ, роскошныхъ.

Грезящимъ о лучшей жизни.

Всѣмъ тѣмъ, кто пробудить когда то въ Чеховѣ любовь къ себѣ.

Его вниманіе.

Его тоску.

Привѣтъ вамъ отъ всѣхъ, кому дорога память о Чеховѣ.

З. МЕЗЕНЦЕВА.